

Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса

Одной из наиболее актуальных проблем русской грамматической науки является системное описание синтаксиса. На современном этапе развития грамматики системное описание моделей русского предложения не может не учитывать, во-первых, трехмерной целостности (единства формы, значения и функции) предложения, во-вторых, парадигматических возможностей модели предложения и, в третьих, степени ее (модели) текстовой обусловленности.

Осознание трехмерной целостности как основания идентификации конкретной языковой единицы привело к пересмотру приоритетов и к отказу от приоритета формы над значением, а значит, и к пересмотру приоритета классификационно-описательного принципа представления русского предложения – представления в виде списка структурных схем, лишенных не только функции, но и семантики.

В синтетическом, флективном языке, каким является русский, особое значение имеют отношения между синтаксисом и морфологией. И если в описательной грамматике исследователей интересуют отношения между компонентом предложения и словоформой, то в грамматике объяснительной устанавливаются отношения между типовым значением предложения и категориальным значением частей речи, участвующих в организации того или иного типа предложений. Это отношение оказывается основным критерием классификации моделей в концепции коммуникативной грамматики [КГ, 1988].

В отличие от списка структурных схем, предложенного формальной описательной грамматикой, классификация предложений в коммуникативной грамматике опирается на идею поля. Полевое представление системы предполагает разграничение основных, базовых, центральных структур и структур периферийных. Критерием деления становится признак изосемичности/ неизосемичности: изосемичность - прямое, наиболее простое отношение между морфологической формой и категориально-синтаксическим значением, между категориально-морфологическим и категориально-синтаксическим значением; неизосемичность - несовпадение категориально-морфологического и категориально-синтаксического значений. Речь идет о том, что наиболее простым отношением между морфологической формой и типовым синтаксическим значением является такое отношение, при котором семантика предиката предложения совпадает с семантикой части речи, оформляющий предикат (действие - глагол, качество - прилагательное и т.д.), а семантика субъектного компонента представлена соответствующей субъектной синтаксемой личного или предметного существительного (субъект действия - личное существительное в именит. падеже, субъект состояния - дат. падеж, субъект количественного признака - род. падеж и т.д.).

Коммуникативная грамматика в основу своей объяснительной теории кладет идею триединой сущности языковой единицы, тем самым соединяет системное и текстовое исследование языковой единицы.

Для соединения в одном исследовании структуры, семантики и функции оказываются необходимыми такие лингвистические "инструменты", которые бы обнаружили связь между словом, предложением и текстом, во-первых, и грамматической системой и текстом, во-вторых.

Такими грамматическими инструментами стали (1) модель субъектной перспективы высказывания, (2) понятие коммуникативного регистра речи и (3) таксис как техника межпредикативных отношений в тексте. Если конкретное высказывание исследовать с использованием каждого из трех инструментов, то станет очевидным, что отношение высказывания к действительности интерпретируется системой коммуникативных регистров, отношение высказывания к сфере человека мыслящего и говорящего представлено субъектной перспективой, а отношение высказывания к другому высказыванию объясняется теорией таксиса.

Коммуникативный регистр речи – модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая определенным репертуаром языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста. Коммуникативный регистр в условиях текста является средством обнаружения синтаксической композиции, в рамках же языковой системы образует область функциональных возможностей языковой единицы.

Модель субъектной перспективы – ось соединяющая пять субъектных сфер, взаимодействие которых организует высказывание и объясняет его функционирование в тексте. Идея субъектной перспективы позволяет интерпретировать грамматические объекты в связи с точкой зрения говорящего, то есть обеспечивает антропоцентрический взгляд как на текст, так и на грамматическую систему.

Таксис – техника линейного взаимодействия предикативных единиц, основанная на механизме совпадения/несовпадения по трем параметрам – модальности, времени и лицу.

Каждая из трех идей может быть понята как возведение до уровня текста определенных глагольных категорий - (1) категорий времени и модальности, (2) категории лица, (3) категорий вида и времени.

Место модели предложения в синтаксическом поле и ее системно-синтаксическая характеристика прямо связаны с объемом ее функциональной парадигмы: чем дальше от центра, тем меньше функциональные возможности моделей. Центральные модели, располагающие большими грамматическими, структурно-семантическими и функциональными парадигмами квалифицируются как **свободные**, поскольку они не имеют ограничений в образовании ни грамматических форм, ни структурно-семантических модификаций, не имеют ограничений в плане регистровых возможностей - степень их зависимости от контекста минимальная.

Свободными называют такие типы предложений, для которых нет регистровых ограничений, которые существуют в наибольшем количестве регистровых вариантов. **Обусловленными** - предложения, сформированные в определенных регистровых условиях, то есть связанных с одним типом модуса и одним-двумя регистрами. **Связанные модели** - результат взаимодействия лексики и грамматики: их компоненты лексикализируют одну из грамматических форм или структурно-семантических модификаций базовой модели предложения или структурируют один из вариантов ее актуального членения.

Поясним эти различия подробнее. Но начнем с самих терминов.

Термины *свободный*, *обусловленный*, *связанный* были впервые употреблены В.В. Виноградовым в статье 1953 г. при классификации лексических значений слова [Виноградов, 1977]. Г.А. Золотова применила триаду терминов «*свободный - обусловленный - связанный*» к синтаксическим объектам как

шкалу зависимости значимых единиц языка от контекстуальных условий, то есть как три ступени отношений единицы и контекста (в широком смысле этого слова) и соответственно как **функциональный принцип** классификации значимых единиц языка [Золотова, 1973].

Г.А. Золотова предложила классифицировать минимальные синтаксические единицы - **синтаксемы** - как свободные, обусловленные и связанные. Свободные синтаксемы располагают наибольшими функциональными возможностями: могут употребляться в изолированной позиции заголовка, быть конституирующим компонентом модели (главным членом предложения), осложнять и распространять модель предложения, быть присловным компонентом словосочетания. Примером свободных синтаксем являются локативные (*в лесу, на площади, у окна*) и темпоральные (*в мае, ранним утром, под вечер*). Обусловленные синтаксемы предназначены для функционирования в рамках определенных моделей предложения; форма и значение этих синтаксем обусловлены типовым значением предложения (Им. или Дат. субъекта, спрягаемые и формы глагола, род. п. В номинализованных структурах). Связанные синтаксемы функционируют в словосочетаниях, занимая присловную позицию; Так, для Вин. п. или Тв. п. объекта возможна лишь позиция при глаголе, реже при девербативе (*читать книгу, полоть грядку, строить дом; интересоваться театром, увлекаться спортом; увлечение спортом*). Разграничение свободных, обусловленных и связанных синтаксем было положено в основу "Синтаксического словаря русского языка" [Золотова, 1988].

Противопоставление свободных и связанных конструкций было принято и в книге Д.Н. Шмелева «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке» [Шмелев, 1976]. При этом критерий разграничения свободных и связанных структур был не внешним, функциональным - большие/меньшие возможности употребления, а внутренним, структурно-семантическим - тип значения компонентов, организующих синтаксическую конструкцию. Рассматривая предложения типа *Где ему ехать?* и *Куда ему проехать?*, Д.Н. Шмелев писал: «В отличие от «свободных» синтаксических конструкций, в которых реализуется независимое и прямое значение входящих в них слов и грамматических форм, рассматриваемые конструкции строятся по определенной **фразеологической схеме**. Значения опорных слов данной **фразеосхемы** оказываются сдвинутыми» [с. 134-135]. Здесь же Д.Н. Шмелев показал, что фразеосхемы, как правило, имеют определенное «контекстное» обрамление» - более или менее свободное» [с. 137]. Тем самым было отмечено, что внутренняя фразеологизированность функционально (контекстно) обусловлена - в материале Д.Н. Шмелева диалогически обусловлена.

Противопоставление свободных и фразеологизированных схем положено в основу классификации структурных схем предложения в «Русской грамматике» (1980 г.). На с. 383 читаем: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой». Хотя АГ-80 отмечает экспрессивный и разговорно-диалогический характер подобных предложений, само разграничение типов структурных схем в «Русской грамматике» основано на внутреннем – структурно-семантическом принципе: отсутствие индивидуальной семантики в свободных структурных схемах и наличие индивидуальной семантики в фразеологизированных структурных схемах.

Таким образом, введенные В.В. Виноградовым термины в синтаксических описаниях используются по-разному: для анализа языкового материала на докоммуникативном уровне - как триада (свободный – обусловленный – связанный), разграничиваясь по характеру отношений единицы и контекста, а на уровне коммуникативном (уровне предложения) - как пара свободный/связанный (фразеологизированный), разграничиваясь по характеру образующих их компонентов.

В концепции коммуникативной грамматики триада терминов - **свободный - обусловленный - связанный** - осмыслена как шкала зависимости значимых единиц языка от контекстуальных условий, то есть как три ступени отношений единицы и контекста (в широком смысле этого слова) и соответственно как **функциональный принцип** классификации значимых единиц языка.

Коммуникативная грамматика использует эту триаду как функционально-семантический принцип классификации значимых единиц языка на всех уровнях языковой системы. При этом проблема односоставности решается в связи с понятием синтаксической обусловленности.

Синтаксическая обусловленность выражается в прикрепленности к определенному коммуникативному регистру. При этом очень часто регистрово обусловленные модели характеризуются и определенной субъектной перспективой (модель субъектной перспективы см. в [КГ, с. 232]). Так, инфинитивные, модально окрашенные предложения с Дат. п. субъекта (*Ему этого не понять; Ему завтра работать; Быть ему битым*) принадлежат информативному регистру или волюнтивному при наличии адресата-исполнителя (*Завтра всем быть на плацу ровно в семь*), а номинативные предложения (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*) - репродуктивному, чаще в его описательной разновидности. Для номинативных предложений важна и другая характеристика – ее субъектная перспектива: в модусе - субъект речи и субъект восприятия совпадают в одном лице; субъектом диктума является внешнее пространство, в котором находится субъект восприятия и речи (*Черный ветер. Белый снег; Сумерки, сумерки веешние, Хладные волны у ног* - Блок).

Если обусловленные структуры занимают периферию полей базовых моделей, то **связанные** - периферию всей синтаксической системы. Связанные синтаксические структуры характеризуются не только внешней (текстовой) обусловленностью, но и внутренней связанностью компонентов, что проявляется (а) в том, что предложение организовано компонентами, которые лексикализуют определенные модификационные значения (например, фазисность: *Матч - в разгаре; Экономика - в тупике, Искусство - в упадке*; модальность: *Он передо мной в долгу; Он в ответе перед детьми; Мне не до тебя*); (б) в том, что компоненты лексикализуют определенные варианты актуального членения (*Она живет ради детей - Смысл ее жизни в детях*); (в) в лексическом повторе (*Жизнь есть жизнь; Ребенок как ребенок; Работать, так работать; Кормить - не кормит*); (г) в том, что компоненты модели лексикализуют части сложного предложения (*Я меня нет места, где я мог бы спокойно работать - Мне негде спокойно работать*).

Понятия **свободной, обусловленной и связанной** синтаксической структуры открывают новые перспективы в традиционной для русского синтаксиса проблеме односоставного предложения, которая в рамках объяснительной грамматики обсуждается не столько в связи со списком базовых моделей, сколько в связи с парадигматикой и периферией полей базовых структур. **Односоставность** рассматривается не как

дифференциальный признак модели предложения, а как знак структурно-семантической производности синтаксической структуры. Поэтому в списке базовых предложений нет односоставных структур (предложения *Брату грустно*, *Братьев двое* признаются двусоставными), односоставные предложения появятся в той части синтаксического поля, где помещаются структурно-семантические модификации предложений по линии субъекта.

Известно, что значимое отсутствие связано с выражением таких значений, как определенно-/неопределенно-/обобщенно-личность. Синтаксическая обусловленность в этом случае обнаруживается прежде всего по линии субъектной перспективы, поскольку отсутствие каких-то компонентов диктума предполагает наличие добавочных модусных смыслов. Тем самым "недостаточная" вербализованность диктума обнаруживает увеличение количества модусных смыслов.

Определенно-/неопределенно-/обобщенно-личность - это три соотносимых друг с другом значения, первое из которых является исходным, а два других производными. Каждое из этих вторичных значений можно выразить лексико-синтаксически (словом) или структурно-синтаксически (при отсутствии субъектной синтаксемы). Если учесть типологию субъектов, то есть их деление на личные, не-личные (предметные) и вне-личные (пространственные), то можно представить следующую таблицу «односоставных» структурно-семантических модификаций русского предложения по линии субъекта:

добавочн. значение тип субъекта	определенный	неопределенный	обобщенный
личный	+	+	+
не-личный		+	
вне-личный	+		

Верхняя горизонталь известна нам еще из школьной грамматики. Представляется, что к классу определенно-личных следует добавить так называемое "эгоцентрические" [Падучева, 1996] конструкции, которые при отсутствии субъектной синтаксемы (как правило, в дат. падеже) прочитываются (а) либо по первому лицу, (б) либо как совпадающие по лицу с предшествующим предложением (кореферентные с субъектом предшествующего предложения). Речь идет о предложениях с ментальными глаголами на *-ся* (*подумалось*, *вспомнилось*, *показалось*, *послышалось*) и ментальными предикатами состояния (*скучно*, *обидно*, *грустно*). Чтобы доказать определенно-личное прочтение (по 1-му лицу) подобных предложений, рассмотрим начало романа В. Набокова "Дар":

(1) *Облачным, но светлым днем, в исходе четвертого часа, первого апреля 192... года (иностраннный критик заметил как-то, что хотя многие романы, все немецкие например, начинаются с даты, только русские авторы - в силу оригинальной честности нашей литературы - не договаривают единицу), у дома номер семь по Танненбергской улице, в западной части Берлина, остановился мебельный фургон...*

Тут же перед домом (в котором я сам буду жить), явно выйдя навстречу своей мебели (а у меня в чемодане больше черновиков, чем белья), стояли две

особы. Мужчина, облаченный в зелено-бурое войлочное пальто /.../. Женщина, коренастая и немолодая, /.../

(2) *"Вот так бы по старинке начать когда-нибудь толстую штуку", - подумалось мельком, с беспечной иронией - совершенно, впрочем, излишнею, потому что кто-то внутри него, за него, помимо него, все это уже принял, записал и припрятал.*

(3) *Опытным взглядом он искал в ней того, что грозило бы стать ежедневной зацепкой, ежедневной пыткой для чувств, но, кажется, ничего такого не намечалось...*

Фрагмент (1) - классическое начало реалистического романа, если не считать комментариев от 1-го лица, данных в скобках. Фрагмент (2) - внутренняя речь того самого Я, которое появлялось в скобках: глагольная форма *подумалось* при отсутствии субъектной синтаксемы прочитывается в связи с точкой зрения говорящего (Я). Однако неожиданно вместо Я появляется ОН, но это ОН - то самое, которое обнаруживает деление субъекта мыслящего на две ипостаси: субъекта сознания и субъекта действия, субъекта модуса и субъекта диктума (о себе можно мыслить и в третьем лице). Поэтому в фрагменте (2) *подумалось* относится к мыслящему Я, а *внутри него, за него, помимо его* - к предмету его мышления, к объекту его внимания - творческой личности. То же раздвоение и во фрагменте (3): ОН (позже Федор Константинович Годунов-Чердынцев) - герой романа, субъект действующий; *кажется* же принадлежит той части сознания Годунова-Чердынцева, которая соединяется с Я рассказчика. Разница между *подумалось* и *кажется* состоит в том, что *подумалось* всегда конкретно(определенно)-личному субъекту, *кажется* же в позиции вводного слова указывает на конкретный субъект (Я говорящего), а в рамках предиката (*Надежда Федоровна кажется образованной*) представляет точку зрения многих, включающую точку зрения говорящего.

На средней горизонтали возможны неопределенно-предметные структурно-семантические модификации: *В трубе забулькало; За стеной все еще тарахтело; Пробило полночь.*

На нижней горизонтали значимое отсутствие субъектной синтаксемы характеризует определенно-пространственную модификацию, при этом субъект восприятия и речи оказывается включенным в то пространство, о котором говорит; ср.: (1) *На улице светло / рассвело; В купе тесно/ теснота* - (2) *Светло; Рассвело* (здесь, вокруг меня); *Тесно; Теснота* (здесь, сейчас, вокруг меня). Предложения (1) произносятся говорящим, который, например, находится в доме и смотрит в окно; предложения (2) обусловлены инклюзивной точкой зрения говорящего (он находится в том пространстве, которое характеризует).

Предложения с так называемой неопределенно-личной формой глагола исследовались в связи с проблемой точки зрения рассказчика: было замечено, что рассказчик находится во внутреннем пространстве и времени и смотрит на ситуацию глазами героя. Г.А. Золотова предложила для интерпретации неопределенно-личных модификаций признак эксклюзивности говорящего - его исключенности из состава субъекта действия [Золотова, 1991]. Т.В. Булыгина, анализируя пушкинские строчки *Она навстречу, как сурова! Его не видят, с ним ни слова*, отметила, что в бесподлежащем предложении с глаголом в форме 3-го лица множ. числа субъект действия (в данном случае Татьяна) "не соотносится с лицом, находящимся в фокусе эмпатии". Т.В.

Булыгина интерпретировала семантику подобных предложений при помощи понятия "отчуждение" [Булыгина, Шмелев, 1997] и показала, что выбор неопределенно-личной формы глагола в актуальном времени обнаруживает точку зрения, с которой представлена вся сцена (в данном случае это точка зрения Онегина).

Тот же эффект "отчуждения" наблюдаем в следующих примерах:

Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие (Арап Петра Великого); В красавиц он уж не влюблялся, / А волочился как-нибудь;/ Откажут - мигом утешался; Изменят - рад был отдохнуть (Евгений Онегин).

3-е лицо множ. числа во всех этих примерах (речь идет не о морфологическом, а о синтаксическом лице) обнаруживает противостояние двух субъектных сфер; обе субъектные сферы принадлежат зоне диктума. В фокусе эмпатии находится конкретно-личный субъект, выраженный именем в единств. числе. Кроме того, все эти примеры принадлежат информативному регистру, а следовательно, говорящий является субъектом знания, но не наблюдателем. Значит, есть "отчуждение", но нет эффекта соприсутствия. Соприсутствующий рассказчик возможен лишь тогда, когда неопределенно-личные предикаты локализованы в актуальном времени. См., например: [Пимен] Вдруг слышу звон, ударили в набат...; Но звонят / К заутрене... благослови, господь, / Своих рабов! (Борис Годунов); Все оживилось; здесь и там / Бегут за делом и без дела, однако больше по делам (Отрывки из путешествия Онегина) – неопределенно-личные предложения принадлежат репродуктивному регистру, в рамках которого говорящий помещает свой наблюдательный пункт во время и пространство субъектов действия, но сохраняет позицию наблюдателя: не соединяет свою позицию с позицией субъектов действия. При этом сохраняется значение "отчуждения" (в терминологии "Коммуникативной грамматики" - эксклюзивности говорящего), но не по отношению к внутреннему времени, а по отношению к диктумной субъектной сфере (сфере субъектов действия, персонажей).

Используя неопределенно-личный предикат, говорящий может сблизать свою позицию с позицией одного из героев, именно в этом случае говорят о фокусе эмпатии, см., например: Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали, а между тем требовали от нее, чтоб она одета была, как и все, то есть как очень немногие (Пиковая дама). Совпадение точек зрения рассказчика и точки зрения персонажа (в данном случае Лизаветы Ивановны) возможно в условиях информативного регистра, где персонаж оказывается не только субъектом действия или субъектом качества (субъектом диктума), но и субъектом мнения (субъектом модуса). По сути, то, что принято называть "эмпатией", представляет собой обнаружение двух субъектов мнения, которые противостоят третьему (не выраженному в предложении): в приведенном примере рассказчик солидарен с Лизаветой Ивановной и не согласен со старой графиней.

Итак, в условиях репродуктивного регистра форма 3-го лица множественного числа (или множ. числа в прошедшем времени) может интерпретироваться в связи с эффектом эксклюзивности, но не всегда. См., например, знаменитое зачало "Пиковой дамы":

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра.

В.В. Виноградов, анализируя стиль пушкинской "Пиковой дамы" показал, что отсутствие подлежащего в первом предложении "Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова" и во второй части второго предложения "...сели ужинать в пятом часу утра", как и отсутствие указания на субъекта мыслящего в первой части этого же предложения "Долгая зимняя ночь прошла незаметно", обусловлено образом автора - соприсутствующего рассказчика. Тем самым отсутствие синтаксических компонентов, то, что гораздо позже будет названо "синтаксическим нулем", было соединено с проблемой точки зрения говорящего.

Значит, начало "Пиковой дамы", наоборот, характеризуется инклюзивностью рассказчика по отношению к субъектной сфере персонажей? Сравним три примера:

- (1) *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова* (Пиковая дама);
- (2) *Вчера играли здесь "Les enfants d'Edouard", и с большим успехом* (Из дневника А.С.Пушкина);
- (3) *Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк* (Выстрел).

Общим во всех трех примерах является то, что в них употреблен глагол прошедшего времени множ. числа, что они начинаются темпоральным наречием, но если (1) и (3) примеры принадлежат сюжетному времени и начитают фрагменты репродуктивного регистра, то пример (2) обусловлен точкой зрения субъекта знания и относится к информативному типу текста. В примерах (1) и (3) говорящий входит в состав субъектов действия, во (2) пример говорящий исключен из состава тех, кто играл пьесу, что позволяет квалифицировать данное предложение как неопределенно-личное. В примере (3) субъект в первом предложении предстает как 3 лицо, но потом оказывается, что рассказчик (подполковник И.Л.П.) принадлежит к этому кружку офицеров, т.е. включен в состав субъектов действия. В этом примере предложение *Пили по-обыкновенному* можно назвать неполным, поскольку его субъект кореферентен субъекту первого предложения, но как быть с примером (1): в нем субъект речи (рассказчик) входит в состав субъектов действия, а значит, неопределенно-личным его назвать нельзя, но это первое предложение текста, следовательно, нет той синтагматической зависимости от предтекста, с которой обычно связано понятие неполноты. См. еще пример из лицейского дневника Пушкина: *Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: "Бери себе повесу"*.

Если в дневнике Пушкина форма прошедшего времени соотносится с *Мы* товарищи по лицу и прочитывается однозначно, то в художественном тексте все сложнее: рассказчик мог входить в общество игравших или только незримо присутствовать, быть наблюдателем по праву автора. В эпиграфе к первой главе есть местоимение *они*: *А в ненастные дни/ Собирались они/ Часто; / Гнули - бог их прости! - / От пятидесяти / На сто, / И выигрывали, / И отписывали/ Мелом. / Так, в ненастные дни,/ Занимались они / Делом.* Местоимение *они* разграничивает внешнюю субъектную сферу автора (которому принадлежит название повести и эпиграфы) и внутренние субъектные сферы рассказчика и персонажей. В первом же предложении текста "Пиковой дамы" расстояние между субъектными сферами диктума и субъектными сферами модуса сокращено до минимума, но не полностью, поскольку первая глава завершается предложением: *В самом деле, уже рассвело: молодые люди допили свои рюмки и*

разъехались. Это предложение, принадлежащее репродуктивному регистру, обнаруживает позицию незримого наблюдателя, что отличает "Пиковую даму" от "Выстрела", в котором рассказчиком является персонаж.

Анализ пушкинских текстов еще раз убеждает нас, что язык Пушкина не укладывается в привычную терминологию формального синтаксиса, поскольку знаменитое начало "Пиковой дамы" нельзя отнести ни к неопределенно-личным, ни к неполным предложениям: неопределенно-личность возможна лишь при изменении порядка слов (*У конногвардейца Нарумова играли в карты*), а о неполноте можно говорить только с формально-синтаксической точки зрения. По-видимому, следует обратить внимание на семантику предложения: здесь речь идет не просто о действии, а о коллективном действии (мероприятии). В текстах, организованных 1-м лицом рассказчика, подобные глаголы (*Однажды праздновали день рожденья Маши*) указывают на принадлежность автора к определенному кружку, который часто собирается и к которому оказывается приближенным и читатель. Все это позволяет отнести подобные предложения к средствам "интимизации" [Л.А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М., 1954] – средствам сближения автора и читателя - и еще раз убеждает нас в том, что значимое отсутствие является следствием приспособления конкретной модели предложения к определенной субъектной перспективе текста, средством задания этой субъектной перспективы. Само же предложение следует считать синтаксически (позиционно – абсолютное начало, и субъектно) обусловленной конструкцией.

Если с учетом этих идей рассмотреть список предложений АГ-80 [с. 97] и их грамматические парадигмы, а также списки регулярных реализаций, то станет понятно, что в одном ряду "свободных" (по терминологии АГ-80) структурных схем оказываются как базовые модели, так и их модификации (например, инфинитивные предложения или конструкции с отрицанием), которые в функциональном плане гораздо менее свободны, чем соответствующие базовые структуры. Так же обстоит дело и со списком минимальных структурных схем в учебнике под ред. В.А. Белошапковой [Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3-е. М., 1997; с. 724-727]. Трудно понять, почему при наличии деривационной парадигмы предложение *Я должен ехать* - это модальный дериват, а *Мне нужно ехать* - минимальная структурная схема? Почему *Была зима* и *Зима* относятся к одной структурной схеме, а *Реки чистые* и *Быть рекам чистыми* - к разным?

Коммуникативная грамматика относит предложения *Мне нужно ехать* и *Быть рекам чистыми* к структурно-семантическим модификациям моделей: первое - модели "Субъект и его действие" (*Я еду/ Он едет*), второе - "Субъект и его качество" (*Реки чистые*). Отсутствие субъектной синтаксемы в инфинитивных предложениях указывает на определенное соотношение субъектных сфер, что, в свою очередь, говорит о синтаксической обусловленности, иногда такой же, как и синтаксическая обусловленность так называемых номинативных предложений. Рассмотрим с этой точки зрения предложения в стихотворении О. Мандельштама "Автопортрет":

*В поднятье головы крылатый
Намек. Но мешковат сюртук.
В закрытье глаз, в покое рук -
Тайник движенья непочатый.*

*Так вот кому летать и петь
И слова пламенная ковкость,
Чтоб прирожденную неловкость
Врожденным ритмом одолеть.*

Автор смотрит на себя самого как бы со стороны и соединяет внешний облик с тем внутренним Я. Внешний взгляд и ситуация первого знакомства, узнавания, попытки проникнуть внутрь выражается полипредикативным именными предложениями, построенными по модели так называемых бытийных предложений: В + предл.п. - Им.п. (*В поднятъе головы крылатый намек, ... В закрытъе глаз, в покое рук - тайник движенья непочатый*). Подобные предложения обусловлены точкой зрения прямого наблюдателя, который одновременно является субъектом мнения и субъектом речи. Во второй строфе узнавание продолжается, но от ситуации наблюдения остается своеобразный речевой жест (*вот кому*); в рамках информативного регистра появляются модальные модификации (инфинитивные - *Так вот кому летать и петь*, номинативная - *И слова пламенная ковкость* и вновь инфинитивная - *Чтоб прирожденную неловкость / Врожденным ритмом одолеть*). Речевой жест *вот кому* предполагает определенную дистанцию между субъектом диктума (субъектом качества) и субъектом модуса (субъектом знания, который одновременно является субъектом речи). Но так как стихотворение названо "Автопортрет", мы понимаем, что и субъектом качества оказывается сам поэт: его внутреннее Я должно одолеть его внешнее Я, но это две стороны одного Я.

Синтаксические конструкции, использованные поэтом в рассмотренном стихотворении, нельзя относить к свободным: они обусловлены дистанцией между субъектом сознания и субъектом качества, познающим и познаваемым. Они и обнаруживают эту дистанцию, и дистанция сохраняется даже тогда, когда субъектом сознания и субъектом качества является один и тот же человек.

Еще пример несвободных синтаксических структур - конструкций, занимающих место на периферии синтаксического поля. Это так называемые общие суждения, но не все суждения с "квантором общности", а те, которые выражают общие законы человеческого бытия, или, в "Коммуникативной грамматике", предложения, организующие генеритивный регистр речи. К генеритивному регистру относятся обобщенно-личные модификации предложений - не только "односоставные" (*Тише едешь, дальше будешь*), но и двусоставные (*Безумство ищет, глупость судит*).

Предложения генеритивного регистра характеризуются (1) обобщенностью субъекта диктума (все люди, все, кто принадлежит к данному классу), (2) всевременностью диктального предиката (всегда), (3) обобщенностью субъекта модуса (все считают и все знают, что...) и его включенностью в состав субъекта диктума (по данному закону живут все и Я, в том числе). См., например, *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* - (1) кто? - так ведут себя все (все воспитанные люди), (2) когда? - всегда, во все времена, (3) кто так думает? - все. Но кроме этих трех смысловых отличий существует и (4), которое позволяет предложениям генеритивного регистра образовывать минитексты. Это - наличие внутренних причинно-следственных отношений: "Если монастырь чужой, то туда не ходят со своим уставом, со своими законами". Еще пример: *У злой Натальи все люди каналы* = "Если человек зол, то..."

Синтаксически обусловленной оказывается и структурная схема Ни N2. Но за этой структурной схемой скрываются омонимичные синтаксические конструкции: в рамках репродуктивного регистра (*В комнате ни звука*)

подобные генитивные предложения предполагают несовпадение субъекта диктума и одного из субъектов модуса (наблюдателя), а в рамках волюнтивного регистра - совпадение субъекта диктума и одного из субъектов модуса (адресата речи, того, кому запрещают говорить – *Тишина! Ни звука!*). Но двойное прочтение возможно для немногих существительных (*С ним ни слова!* – Татьяна не сказала ни слова; *Ему ни слова!* – Ему не говорите ни слова) - для тех, формы которых соотносимы как с именительным, так и с винительным. Дело в том, что родительный в волюнтивных генитивных предложениях соотносим не с именительным (*Шепот. Робкое дыхание - Ни шепота, ни шороха*), а с винительным (*сделать шаг назад, сказать слово - не сделать ни шага, не сказать ни слова*), что и порождает синтаксическую омонимию.

Ни звука в первом понимании (соотносимое с именительным) предназначено для репродуктивного регистра, но допускает и волюнтивное прочтение, правда, не императивное, а оптативное; ср. у И. Анненского:

*Когда б не смерть, а забытьё,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,*

Вся жизнь моя - не жизнь, а мука. = хочу, чтобы в моей жизни не было ни движения, ни звука > в моей жизни движения и звуки. Это *Ни звука* восходит к модели с типовым значением "Субъект пространственный и его характеристика" (*В комнате шум и движения — В комнате ни шума, ни движений — В моей жизни ни движения, ни звука*) и располагает большими функциональными возможностями. См. еще пример, в котором родительный с частицей *ни* принадлежит информативному регистру:

*Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.*

(Анненский, Петербург).

Ни звука во втором понимании (соотносимое с винительным) - экспрессивно-волюнтивная модификация акциональной модели (*Всем молчать! Ни звука! И чтоб у меня ни-ни, ни звука!*).

Представленный здесь текстовый анализ, по мысли автора данной статьи, должен продемонстрировать (а) объяснительные возможности концепции коммуникативной грамматики и (б) стать аргументом в пользу соединения системного и текстового описания языковых единиц в рамках антропоцентричной лингвистики.

Анализ этих и многих других примеров говорит о необходимости пересмотра критериев разграничения свободных и связанных моделей предложения. Свободными моделями предложения являются те, которые характеризуются изосемичностью компонентного состава, широкими структурно-семантическими, грамматическими и функциональными возможностями. Свободные модели образуют центр синтаксической системы русского предложения. Синтаксически обусловленные структуры - это синтаксические дериваты базовых моделей (структурно-семантические, экспрессивные модификации и их синтаксические синонимы, полипредикативные конструкции), то есть периферия в поле каждой из базовых моделей. Синтаксически обусловленные модели – результат взаимодействия коммуникативной единицы и контекста, то есть результат подстройки базовой модели предложения под конкретные текстовые условия. Связанные модели

характеризуются не только внешней (контекстуальной) зависимостью, но и внутренней связанностью, лексикализованностью синтаксических значений. Связанные модели - результат взаимодействия лексики и грамматики: их компоненты лексикализуют одну из грамматических форм или структурно-семантических модификаций базовой модели предложения или структурируют один из вариантов ее актуального членения. Связанные модели - это периферия всей синтаксической системы.

Тем самым устанавливается общность типологии лексем, типологии синтаксем и типологии моделей предложения: свободные номинативные, синтаксически обусловленные и фразеологически связанные значения, свободные, обусловленные и связанные синтаксемы, свободные, обусловленные и связанные модели предложения. Триада терминов «свободный - обусловленный - связанный» может быть соотнесена с любым уровнем значимых единиц языка, поскольку представляет три ступени отношений единицы и контекста (в широком смысле этого слова).

Данная статья может рассматривать как приглашение к дискуссии о принципах русской грамматики XXI века.

Примечания

Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997; с. 343-345

В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977, с. 162 – 189.

Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973

Г.А. Золотова. Синтаксический словарь русского языка. – М., 1988

Г.А. Золотова. Субъектные модификации русского предложения. // *Sagers slavistische Sammlung, Band 17. Munchen, 1991*

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998

Е.В. Падучева. Семантические исследования. – М., 1996

Русская грамматика. – Т. 2. – М., 1980.